

Готовые грубые маньтоу отправились в шкафчик. Нин Гуйчжу отнёс щенков в их лежанку, запер двери и окна, после чего вернулся в спальню. Ночь прошла спокойно, без происшествий.

На следующее утро.

После вчерашнего опыта всё пошло гораздо легче. Хотя вышли они примерно в то же время, что и накануне, лавка была готова к торговле почти на полчаса раньше. Позавтракав, Нин Гуйчжу отвёл Маньтоу обратно в уездную управу, затем взял корзинку с шитьём и отправился в школу.

День пролетел незаметно, и вскоре снова наступил вечер - пора возвращаться домой.

— Чжу-гер вернулся, — заметила Ван Чуньхуа. — У тебя сегодня ещё есть какие-нибудь дела?

Нин Гуйчжу удивился:

— А что такое?

— Да ничего особенного. Мы же договаривались, что будем каждый день отдавать тебе долю от заработка. Вчера ты ещё удобрения таскал, так что я не стала поднимать тему. Давай сегодня сразу и за вчера подсчитаем.

Если бы Ван Чуньхуа не напомнила, Нин Гуйчжу сам бы об этом и не вспомнил. Сначала он хотел предложить считать всё раз в месяц, но, увидев её оживлённое лицо, помедлил и проглотил слова, вместо этого улыбнувшись:

— У меня ничего нет. Тогда после ужина и посчитаем?

— Ай, хорошо! — радостно откликнулась Ван Чуньхуа и снова убежала заниматься делами.

Проводив её взглядом, Нин Гуйчжу с улыбкой покачал головой, затем вошёл на кухню и, закатав рукава, спросил:

— Мама, что сегодня на ужин?

— Эти трое где-то набрали шаньяньтан* и притащили домой. Думаю приготовить на пару. Ты такое раньше ел? — сказала Лю Цюхун, указав на таз с уже вымытыми дикорастущими овощами.

(ПП: дикая съедобная трава, известная также как «лапшевая трава»)

Нин Гуйчжу присмотрелся внимательнее и не слишком уверенно ответил:

— Кажется, ел.

— Тогда сегодня ешь побольше, — сказала Лю Цюхун, снимая с огня сваренную кашу и ставя её в сторону. Затем она взяла таз и, открыв шкафчик, начала насыпать кукурузную муку. — Жаль только, чеснок дома закончился. Если после готовки добавить в шаньмяньтан немного рубленого чеснока, вкус вообще замечательный.

Нин Гуйчжу стоял рядом и наблюдал:

— То есть сначала всё перемешивается с кукурузной мукой, а потом готовится на пару?

— Ага. У нас тут все дикие овощи так делают: запаривают, а потом либо так едят, либо чем-нибудь слегка заправляют.

Нин Гуйчжу кивнул, ещё немного посмотрел на процесс и спросил:

— А чеснока дома много?

— Нормально так. А что?

— Я подумал, если его достаточно, потом можно будет сварить чесночный соус. Если разлить по глиняным горшкам, он год-два спокойно хранится.

— Так долго? — Лю Цюхун задумалась. — Как раз сейчас дел не так много. Мы с твоим отцом можем ещё немного пустоши расчистить, семян поискать и посадить побольше чеснока.

— Разве Цзиньчжоу не говорил, что на распашку пустошей есть ограничения? — Нин Гуйчжу помнил, что в древности существовал земельный налог: если земли становилось слишком много и её вносили в реестр, семье приходилось платить больше податей.

В этот момент вошла Ван Чуньхуа и как раз услышала последние слова. Она улыбнулась:

— Чжу-гер, ты разве не знаешь? После того как вы с Цзиньчжоу поженились, вас выделили в отдельный двор. Так что если захотите распахать пустошь, землю запишут уже на вас.

Потом она с любопытством спросила:

— А с чего вдруг об этом заговорили?

— Чжу-гер сказал, что умеет делать чесночный соус, вот я и подумала - надо бы ещё кусок земли под чеснок расчистить, — объяснила Лю Цюхун.

— Из чеснока тоже соус делают? — удивилась Ван Чуньхуа.

Нин Гуйчжу улыбнулся:

— Да чесночных соусов вообще много видов. Потом потихоньку всё вам приготовлю попробовать.

Услышав это, Ван Чуньхуа и Лю Цюхун сразу развеселились.

— Ну тогда нас точно ждёт вкусная жизнь.

Трое на кухне болтали и смеялись, готовя ужин. Тем временем Сюн Цзиньпин и Сюн Шишань разбирали собранные за день дикорастущие овощи, затем переносили под навес сушившийся на подносах доугань - сушёный тофу. Дел у них хватало без передышки.

Шаньмяньтан, приготовленный на пару, получился мягким и клейковатым, со сладковатым вкусом. Приправы добавляли глубины, а хрустящие корешки диких трав приятно похрустывали и тоже отдавали лёгкой сладостью, получилось очень вкусно.

Нин Гуйчжу еда явно пришлась по душе: он тянулся палочками снова и снова. Хорошо ещё, что шаньмяньтана приготовили много, иначе он бы, пожалуй, съел всё сам.

После ужина Ван Чуньхуа велела Сюн Цзиньпину убрать посуду, а сама возбуждённо вбежала в спальню, достала заработок за последние два дня и, вернувшись в главную комнату, с глухим стуком поставила тяжёлый матерчатый мешочек на стол. Даже голос у неё звенел от радости:

— Смотрите!

Лю Цюхун удивлённо уставилась на набитый медяками мешок:

— Так много?

— А то! Я сама вчера, когда деньги пересчитывала, чуть не обомлела, — сияя, ответила Ван Чуньхуа. — Мы с Цзиньпином подумали ещё несколько дней подряд поехать, пока можно, и подзаработать побольше.

— Правильно, так и надо, — одобрительно кивнул Сюн Шишань.

Медяки на столе разделили на несколько кучек, и вся семья принялась считать монеты.

Пока взрослые были заняты подсчётами, дети кружили вокруг стола, жадно поглядывая на медяки. Им ужасно хотелось потрогать деньги руками, но они боялись, что их отругают, поэтому только высовывали головы из углов, выглядя до смешного жалко.

Нин Гуйчжу с улыбкой погладил по голове сидевшую рядом Сюн Иньинь:

— Иньинь, хочешь посчитать вместе с дядюшкой?

Сюн Иньинь заморгала:

— Но Иньинь не умеет.

Нин Гуйчжу немного подумал, отодвинул к ней маленькую кучку монет и спросил:

— А Иньинь знает, сколько будет «два»?

Глаза девочки тут же засияли.

— Иньинь знает!

— Тогда помоги дядюшке разложить эти монетки по две, хорошо?

Сюн Иньинь радостно закивала и, виляя попой, полезла на табурет. Сюн Цзиньбо и Сюн Чуаньшуй тут же подбежали, подхватили сестрёнку и усадили её как следует, после чего с надеждой посмотрели на Нин Гуйчжу:

— Дядюшка, мы тоже можем!

Нин Гуйчжу беспомощно улыбнулся и тоже выделил им по кучке монет:

— Тогда и вы помогите дядюшке разобрать.

Пока трое детей старательно раскладывали медяки, Сюн Цзиньпин серьёзно предупредил:

— Смотрите аккуратнее. Если хоть одну монетку потеряете, в следующий раз сладости вам не достанутся.

— Да не потеряем! — недовольно буркнул Сюн Чуаньшуй, однако после этих слов движения у него стали куда осторожнее.

Нин Гуйчжу наблюдал за детьми краем глаза и очень быстро закончил со своей частью.

— Дядюшка, мы закончили!

Троица убрала руки и выжидающе уставилась на него. И, как и ожидалось, тут же получила порцию похвалы от Нин Гуйчжу - дети моментально расцвели от счастья.

Взгляд Нин Гуйчжу скользнул по разложенным ими монетам. Он быстро перегруппировал их в уме и сразу получил нужное число, затем прибавил к сумме свои монеты - всего вышло тридцать четыре вэня.

Проверив расчёт дважды, он ссыпал всё вместе:

— Я закончил считать.

Остальные, всё ещё занятые подсчётами, одновременно подняли головы. На лицах у всех читалось одно и то же слово: «А?»

Нин Гуйчжу моргнул. Считать в семье Сюн умели, но только в пределах сотни. О умножении и прочих хитростях они понятия не имели, потому и считали куда медленнее. Впрочем, сам процесс пересчёта медяков доставлял им удовольствие, так что Нин Гуйчжу, заметив это, просто уговорил троих детей выйти поиграть во двор.

Когда семья Сюн наконец закончила пересчитывать медяки, Нин Гуйчжу быстро свёл всё вместе и с улыбкой сказал:

— За два дня получилось двести два вэня. Очень хороший заработок.

Двести два вэня - больше двух цяней! Не только Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпин, лично занимавшиеся торговлей, но даже Сюн Шишань с Лю Цюхун одновременно расплылись в радостных улыбках, услышав эту сумму.

Ван Чуньхуа быстро принялась считать в уме. С каждого десятка - один вэнь Чжу-геру, значит со ста - десять... Тогда здесь...

Она отсчитала двадцать две монеты и подвинула их к Нин Гуйчжу:

— Чжу-гер, это твоё.

Нин Гуйчжу с улыбкой вернул монеты обратно:

— Мы же договаривались, что я беру десятую часть именно с прибыли. А вы ведь немало потратили на мясной соус, да?

Формально он был прав. Ван Чуньхуа сморщила нос:

— Чжу-гер, расходы - это уже наше дело. А эти деньги считай платой за то, что ты научил нас делать тофу.

Нин Гуйчжу хотел ещё что-то возразить, но тут Сюн Шишань решительно подвёл итог:

— Чжу-гер, бери деньги. Двадцать два вэня - не та сумма, из-за которой они обеднеют.

Раз уж все так говорили, Нин Гуйчжу не стал дальше спорить и, завернув медяки в платок, сказал:

— Тогда я возьму.

— Вот и правильно, — довольно кивнула Ван Чуньхуа.

После этого она отсчитала ещё часть монет и подвинула их к Лю Цюхун и Сюн Шишаню:

— Отец, мать, это вам за помощь.

Похоже, опасаясь, что родители тоже начнут отказываться, Ван Чуньхуа, едва подвинув деньги, тут же сгрэбла мешочек в охапку и радостно умчалась в спальню. Шагала она так быстро, что явно не собиралась оставлять им возможности что-либо сказать.

Лю Цюхун только покачала головой:

— Ну что за ребёнок...

В голосе звучало недовольство, но на лице при этом сияла улыбка.

Закат на небе постепенно таял, свет меркнул всё сильнее, и над головой уже висела яркая круглая луна. Топот копыт в ночной тишине звучал особенно отчётливо.

Под собачий лай лошадь всё приближалась и приближалась. Остановившись у ворот, Сюн Цзиньчжоу натянул поводья, спрыгнул с седла и легонько толкнул калитку. Убедившись, что

она заперта, он без лишних раздумий перемахнул через забор сбоку.

— Гав-гав-гав-гав!

Тонкий щенячий лай понёлся из заднего двора к переднему. Увидев, как кто-то перелезает через ограду, обычно простоватые и добродушные щенки грозно зарычали в предупреждение. А когда незнакомец не остановился, оба без колебаний ринулись прямо на него.

Пусть мелкие, зато смелости им было не занимать, и клыки оскалили как надо.

Сюн Цзиньчжоу поднял ногу, преграждая путь Эрцаю, который с раскрытой пастью бросился вперёд.

— ...Гав?

Даван в замешательстве склонил голову набок, посмотрел на человека, принялся к знакомому запаху - и мозг, только что выдернутый из сна, наконец заработал. Раскрытая пасть тут же переключилась на хвост Эрцай.

Эрцай тоже понял, кого именно собирался кусать. Почувствовав, как Даван вцепился ему в хвост, он поспешно разжал зубы и для вида пару раз толкнул товарища лапами, после чего умчался прочь.

Сюн Цзиньчжоу рассмеялся:

— Да вы молодцы вообще-то. Чего испугались?

Даван и Эрцай, увидев, что человек улыбается, тут же радостно завиляли хвостами и полезли тереться. Сюн Цзиньчжоу потрепал их по головам:

— Потише там, не разбудите человека.

Наскоро успокоив щенков, он подошёл к воротам, чтобы открыть их и завести внутрь лошадь.

В доме.

Спальню от лежанки щенков отделяла всего одна стена, так что Нин Гуйчжу проснулся ещё в тот момент, когда оба пса с лаем понеслись к переднему двору. Он перевернулся, встал с постели и тихо подошёл к окну. Но прежде чем успел открыть ставни и посмотреть, что происходит снаружи, лай вдруг стих, а следом донёлся голос Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу тут же убрал руку от окна и поспешил к двери спальни.

С тихим скрипом открылась дверь. Только что заперев ворота, Сюн Цзиньчжоу поднял голову и, увидев Нин Гуйчжу в одной тонкой рубашке на пороге, тут же нахмурился с досадой:

— Я тебя разбудил?

Нин Гуйчжу покачал головой:

— Я и так спал не крепко.

Увидев, как Сюн Цзиньчжоу идёт к нему, он сам невольно сделал несколько шагов навстречу и, подойдя ближе, словно по наитию обнял его. Сюн Цзиньчжоу осёкся на полуслове. Вдыхая мягкий, спокойный запах Нин Гуйчжу, он крепче обнял его в ответ и, уткнувшись лицом ему в плечо, глухо пробормотал:

— Я так скучал. А ты скучал по мне?

Нин Гуйчжу задумался:

— Кажется, не очень.

У Сюн Цзиньчжоу даже дыхание сбилось.

Увидев его полный обиды взгляд, Нин Гуйчжу рассмеялся и быстро чмокнул его:

— Дома просто столько дел было... Не то чтобы совсем не скучал.

Сюн Цзиньчжоу проворчал:

— Я вообще-то тоже снаружи не отдыхал.

Этот высокий, крепкий мужчина, нарочно изображающий обиду, выглядел неожиданно мило. Голос Нин Гуйчжу сразу смягчился:

— Ну... немного скучал. Без тебя всё так неудобно.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу мгновенно расплылся в улыбке, обхватил ладонями лицо Нин Гуйчжу и крепко поцеловал его:

— Вот это уже лучше.

Получив желаемый ответ, он наконец вспомнил, что Нин Гуйчжу стоит в одной тонкой одежде. Одной рукой обхватив его за талию, Сюн Цзиньчжоу без лишних усилий поднял его на руки и широкими шагами понёс в спальню.

Нин Гуйчжу: ...

Он вцепился в растрепавшиеся волосы Сюн Цзиньчжоу и даже не успел пожаловаться, что ему неудобно, как его уже аккуратно поставили на пол, а сверху на плечи опустилась верхняя одежда, лежавшая у изголовья.

— Простудишься ещё, — сказал Сюн Цзиньчжоу.

— Не так уж это и легко, — пробормотал Нин Гуйчжу, но всё же послушно оделся.

После этого они вместе вышли из спальни и направились на кухню.

— Перед уходом ты говорил, что вернёшься только через два-три дня. Почему приехал среди ночи? И где остальные, что были с тобой?

— Разве прошло не больше двух дней? — Сюн Цзиньчжоу налил воды в котёл и принялся разводить огонь в очаге. — На этот раз всё прошло особенно гладко, поэтому мы и вернулись раньше. Остальные ещё в городе, только завтра смогут приехать обратно. А я посмотрел - отсюда уже недалеко, вот и поскакал домой один.

Нин Гуйчжу не знал, насколько опасны ночные дороги в древние времена, поэтому лишь тихо «угукнул», подперев подбородок рукой и глядя на профиль Сюн Цзиньчжоу.

— Что-нибудь случилось в этот раз?

Сюн Цзиньчжоу ненадолго задумался, пропустил историю с разбойниками и рассказал только о том, как ударил того человека.

— ...Наверное, слухи об этом разошлись, и дальше деревни уже были смирные. В некоторых местах старосты даже заранее собирали народ - расскажешь пару раз про указ и можно уходить.

Посёлков и деревень, которые им нужно было объехать, было немало, а самые непокорные располагались далеко от центра управления уезда Аньхэ, так что тянулись почти цепочкой. Пока Сюн Цзиньчжоу с людьми «воспитывали» жителей одной деревни, слух о том, как он избил человека, уже доходил до следующей, а то и через одну, причём с каждым разом

становился всё страшнее. Услышав такое, крестьяне, естественно, вели себя куда покладистее.

Нин Гуйчжу слушал рассказ Сюн Цзиньчжоу и невольно улыбнулся, а потом, вспомнив того гера, которого били, с сожалением произнёс:

— Интересно, когда он поймёт, что может сам подать жалобу властям.

Пальцы Сюн Цзиньчжоу скользнули по его длинным волосам.

— Если он захочет, то всё равно сможет пойти.

Та деревня и правда была глухой. Вокруг, возможно, хватало людей, потакающих злу, но вместе с тем никто не станет настораживаться из-за человека, которого годами притесняли. Если он захочет уйти, то обязательно сможет выбраться.

Нин Гуйчжу покачал головой.

— Никто не хочет, чтобы его били. Он наверняка хочет уйти, но хотеть и осознать - разные вещи.

Даже в современном мире, где женщины способны самостоятельно выживать, многие всё равно оказываются связаны по рукам и ногам самыми разными причинами. Неужели они не хотят выбраться из своего положения? Конечно хотят. И то, о чём говорят окружающие, они тоже понимают. Но понимать и по-настоящему осознать, что «так можно поступить» и «так нужно поступить», - не одно и то же.

Именно потому, что сделать этот шаг способны немногие, тех, кто всё-таки решается уйти, потом и хвалят за смелость.

Нин Гуйчжу прислонился к Сюн Цзиньчжоу.

— Было бы хорошо, если бы кто-нибудь подал пример.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу слегка замер, задумавшись.

— Ладно, хватит об этом.

Нин Гуйчжу быстро привёл мысли в порядок, поднялся и сказал:

— Ты посреди ночи столько ехал обратно, наверняка голодный. Как насчёт чашки лапши с яйцом? Дома ещё остались свежие жареные соевые шарики, приготовлю немного -

попробуешь.

Увидев, что он сменил тему, Сюн Цзиньчжоу тоже не стал продолжать разговор и радостно отозвался:

— Конечно!

От его оживлённого ответа улыбка Нин Гуйчжу стала заметно теплее. Подкатав рукава, он достал из шкафа муку и принялся замешивать тесто.

Замешанное тесто Нин Гуйчжу пока отложил в сторону, достал небольшую миску с соевыми шариками и разрезал их пополам. В глиняном горшке разогрел масло, слегка обжарил мясной соус, затем добавил воды и опустил туда нарезанные кусочки тофу.

Вообще-то, если делать всё как положено, сначала следовало бы обжарить перец и чеснок, приправить устричным и соевым соусом, а уже потом вливать воду и варить тофу.

Но...

Кроме соевого соуса, дома ничего не было.

Нин Гуйчжу посмотрел на булькающий в горшке тофу и серьёзно поразмыслил, после чего всё же решил, что вкус должен получиться неплохим. И всё же, на всякий случай, заранее предупредил Сюн Цзиньчжоу:

— Дома не хватает продуктов, так что пока сделаю так. Когда вырастут перец и чеснок, приготовлю тебе что-нибудь ещё вкуснее.

Сюн Цзиньчжоу втянул носом аромат еды в воздухе и с ожиданием сказал:

— Уже сейчас пахнет так вкусно, а есть ещё способ лучше?

— Конечно, — Нин Гуйчжу прижал тофу ложкой ко дну и накрыл горшок крышкой. — Из жареного тофу можно приготовить уйму всего. Боюсь, однажды тебе надоест его есть.

Сюн Цзиньчжоу тут же ответил:

— Всё, что готовишь ты, мне хочется есть.

— ...

Нин Гуйчжу покосился на него.

— Какие сладкие речи.

Сюн Цзиньчжоу растерянно и невинно моргнул. Он? Сладкоречивый? У него, оказывается, и такой талант есть?

Под ярким лунным светом и отблесками огня у очага они болтали, ожидая, пока приготовится еда. Именно в этот момент в ворота постучали.

Снаружи раздался голос Сюн Цзиньпина:

— Чжу-гер? Чжу-гер, с тобой всё в порядке?

Топот копыт до этого был довольно громким, но по-настоящему семью Сюн разбудил лай двух щенков из заднего двора. Хотя лай быстро стих, а Нин Гуйчжу не стал громко звать на помощь, домашние всё равно встревожились. Посовещавшись, Сюн Цзиньпин и Сюн Шишань прихватили мотыгу и тесак и отправились проверить, что случилось.

Услышав шум снаружи, Сюн Цзиньчжоу с улыбкой поднялся и вышел из кухни.

— Старший брат, это я вернулся, — сказал он, а заметив Сюн Шишаня, добавил: — Отец.

— Вернулся, значит, — отец и сын за воротами заметно успокоились. — Тогда мы пойдём обратно. Ты тоже заканчивай и ложись спать пораньше, обо всём остальном завтра поговорите.

Сюн Цзиньчжоу хотел было пригласить их зайти посидеть, но, подумав, всё же проглотил слова. Было уже поздно, да и не зима сейчас, чтобы подолгу сидеть и болтать без дела.

Проводив взглядом Сюн Шишаня и Сюн Цзиньпина до дома, он только тогда вернулся на кухню.

В переднем доме Лю Цюхун и Ван Чуньхуа ждали новостей. Услышав, что шум поднял вернувшийся Сюн Цзиньчжоу, обе облегчённо выдохнули. Лю Цюхун не удержалась и проворчала:

— Этот негодник такой грохот поднял, совсем не думает, что мог напугать Чжу-гера.

Сюн Шишань только весело хмыкнул:

— Да уж вряд ли Чжу-гер испугался. Из кухни до сих пор вкусно пахнет.

У Лю Цюхун от этих слов сразу потеплело на сердце - всё-таки второй невестке её сын явно был дорог, но на словах всё равно продолжила ворчать:

— Только Чжу-гер его и балует, ещё и среди ночи ему готовит.

Пока родители переговаривались, Ван Чуньхуа тоже невольно улыбнулась. Поздоровавшись с ними, она вместе с Сюн Цзиньпином пошла в спальню, и по дороге супруги тихо о чём-то шептались между собой. Глядя на эту молодую пару, а затем вспоминая, как ладят между собой второй сын и Чжу-гер, Лю Цюхун чувствовала искреннюю гордость. Она ведь с самого начала говорила: если у молодых всё хорошо, то и в доме будет мир да согласие.

Зажжённая было масляная лампа снова погасла, семья постепенно погрузилась в сон. А в заднем доме Нин Гуйчжу переложил готовый жареный тофу в миску, затем разогрел в котле масло, быстро обжарил яйца до крошки, добавил немного соевого соуса для цвета и вкуса, после чего выложил всё в отдельную чашку. Потом прямо в глиняный горшок налил воды, смывая оставшиеся на стенках кусочки яйца.

Накрыв горшок крышкой, Нин Гуйчжу стал ждать, пока закипит бульон, и машинально перевёл взгляд через заднее кухонное окно во двор. Звук льющейся воды был особенно отчётлив в ночной тишине. Слушая, как за домом моется Сюн Цзиньчжоу, Нин Гуйчжу раскатал тесто и нарезал лапшу. Когда вода закипела, он опустил лапшу в котёл.

К тому моменту, как Сюн Цзиньчжоу закончил мыться и вернулся, лапша как раз сварилась. Он убрал на место деревянное ведро и полотенце после купания, сел за стол перед ароматной яичной лапшой, и его живот тут же громко заурчал.

Увидев это, Нин Гуйчжу с улыбкой поторопил его:

— Давай ешь скорее.

Сюн Цзиньчжоу смущённо потёр нос, уселся поудобнее, схватил палочки и нетерпеливо отправил в рот огромный ком лапши. Только что снятая с огня лапша была обжигающе горячей, но густой соус, обволакивающий её, смешанные с ним кусочки яйца - всё это уже само по себе способно было раззадорить аппетит. А уж для Сюн Цзиньчжоу, который за день вымотался до предела, тем более.

Он жадно втянул в рот большую порцию лапши, а затем палочками подцепил кусочек жареного тофу. За долгое время варки тот полностью напитался бульоном, стал мягким, скользким и насыщенным вкусом, так что вместе с лапшой мгновенно исчез во рту.

Вкусно. Всё было невероятно вкусно.

Сюн Цзиньчжоу подчистую съел всё, что приготовил Нин Гуйчжу, а тот тут же поставил перед

ним чашку с водой.

— Потом ещё рот прополощи.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу кивнул, немного передохнул, попивая воду, затем взял посуду и вышел помыть её и прополоскать рот. Нин Гуйчжу тем временем прибрал кухню и закрыл остальные двери и окна.

Лунному свету остался лишь проход через главную дверь кухни. Чашки и палочки легли в шкаф, дверца со скрипом закрылась, и супруги, держась за руки, вышли наружу. Кухонную дверь заперли. Под лунным светом они прошли по галерее под навесом, а затем послышался звук закрывающейся двери спальни.

Сюн Цзиньчжоу распахнул плотно закрытое окно, оставляя путь ветру и лунному сиянию, после чего рухнул на кровать вместе с Нин Гуйчжу в объятиях, жадно вдохнул любимый запах своего фулана и заодно стянул с него верхнюю одежду.

Нин Гуйчжу поцеловал его и тихо сказал:

— Спи.

После долгой ночной дороги Сюн Цзиньчжоу уже валился с ног от усталости. Услышав слова Нин Гуйчжу, он что-то невнятно пробормотал в ответ, повернулся и оставил поцелуй у него на щеке, а затем его дыхание быстро стало ровным и спокойным.

<http://bllate.org/book/14958/1641449>